

ОЧЕРКИ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Л., 1969

Редакционная коллегия: профессор Е.В.БУНАКОВ, профессор И.М.КРИВОГУЗ (отв. ред.), профессор Г.Р.ЛЕВИН, доцент М.А.КОГАН

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

СОДЕРЖАНИЕ (выделены названия сканированных статей)

О.Д.Вейцман. Немецкая молодежная группа Баума в борьбе против фашизма (1938—1942 гг.)

Д.П.Прицкер. Как родилась политика «невмешательства» в испанскую гражданскую войну 1936—1939 гг.

Ю.В.Егоров. К вопросу о целях фашистского мятежа 6 февраля 1934 г. во Франции

Ю.В.Егоров. Фашистские организации во Франции накануне февральских событий 1934 г.

М.А.Коган. Датско-русские отношения в правление Струенсе (1770—1772 гг.)

Е.В.Бунаков. Об одном неизвестном источнике о нравах и быте китайцев в начале XVIII в.

К.Д.Авдеева. Из истории английского землевладения после буржуазной революции (между 1660—1740 гг.)

Г.Р.Левин. К вопросу о зарождении и оформлении демократической группировки левеллеров

С.И.Кангун. Мирутский процесс и английский рабочий класс

И.М.Кривогуз. Вопрос о войне и мире в подготовительных материалах X конгресса II Интернационала

Е.А.Андреевская. Балканы в планах французской буржуазии накануне первой мировой войны

Т.П.Смирнова. Из истории борьбы Августа Бебеля за революционную теорию (1875—1878 гг.)

И.Г.Гуткина. Греческий вопрос и позиция Австрии в 20-х годах XIX в.

И.Г.Гуткина. Наваринское сражение и европейская дипломатия

С.С.Сафронов. Социальные воззрения Анаксагора Шометта

С.С.Сафронов. Коммунистические идеи Пьера Сильвена Марешала

Л.М.Глускина. Вольноотпущенники в экономике Афин в IV в. до н.э.

Л.М.Глускина. Лаврийские серебряные рудники в экономике Афин IV в. до н.э.

Л.К.Лебедев, О.Д.Вейцман. Книга о Капповском путче

Клавдия Дмитриевна Авдеева

(1925 - 1995)

ИЗ ИСТОРИИ АНГЛИЙСКОГО ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЯ ПОСЛЕ БУРЖУАЗНОЙ РЕВОЛЮЦИИ (МЕЖДУ 1660—1740 гг.)

(По материалам «манориальных передвижений»,
опубликованным в «Викторианской истории Англии»)

Аграрный вопрос — один из наиболее важных в буржуазных революциях — сохранил это значение и в английской революции XVII в. От его решения во многом зависела судьба дальнейшего экономического развития страны. Буржуазная историография долгое время игнорировала социально-экономическую историю Англии периода революции, считая революционную борьбу спором из-за вопросов религиозной и конституционной свободы. После появления труда К. Маркса «Капитал» стало трудно замалчивать вопросы аграрного развития Англии, но усилия буржуазных историков стали направляться на опровержение выводов Маркса о так называемом первоначальном накоплении капитала.

Характерно, что такое важное достижение английской буржуазной революции, как отмена рыцарского держания, изображается всеми буржуазными историками как отмена архаического феодального института, не игравшего реальной роли. Единственным буржуазным историком, поставившим вопрос об исторических последствиях отмены рыцарского держания, был М. М. Ковалевский, который при изучении английской революции интересовался прежде всего «зародышевыми формами» капиталистического хозяйства, пришедшего на смену «феодальным порядкам землевладения». Но он преувеличивал значение для крестьян отмены рыцарского держания⁴¹⁸.

⁴¹⁸ М. М. Ковалевский. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к парламенту М., 1906, стр. 380.

Советские историки впервые поставили целый ряд вопросов социально-экономического развития Англии в период революции. С. И. Архангельский изучил аграрное законодательство революции, определив его классовые тенденции⁴¹⁹. Основной задачей его исследования явилось выяснение классовых сдвигов в английской деревне в период революции в результате мобилизации земли. Он считал, что революция содействовала огромным перемещениям земельной собственности в руки буржуазных элементов. Особое значение он придавал продаже секвестрованных земель роялистов. Но перераспределение земель не освобождало крестьян от феодальных повинностей, ибо новый владлец был юридически преемником всех привилегий прежнего лорда: он держал манориальный суд, собирал судебные штрафы, фэйны и т. п. В результате положение крестьян резко ухудшилось, им приходилось вести борьбу на два фронта. Но, говоря о мобилизации земель в ходе революции, С. И. Архангельский не прслеживает судьбу английского землевладения в послереволюционный период. Не раскрывает он и проблемы расчленения крестьян после революции.

Вывод С. И. Архангельского о судьбе секвестрованных владений делинквентов, продаваемых парламентом, был подвергнут критике английской исследовательницей Д. Тирск, установившей по архивным данным, что роялистам часто удавалось вернуть обратно свои владения, скупая их у парламента через своих агентов и подставных лиц⁴²⁰. На выводы Д. Тирск пытается опереться Х. Тревор-Ропер в обоснование своей «новой интерпретации» английской буржуазной революции, представляющей собой попытку «опровергнуть» марксистское учение о буржуазных революциях. Используя их, он пытается доказать, что изменения, связанные с английской революцией, были ничтожно малы и вполне могли быть достигнуты мирным путем, отрицает закономерность революционных событий, видя в них лишь слепой бунт обедневших провинциальных дворянчиков против административной

⁴¹⁹ С. И. Архангельский. Аграрное законодательство английской буржуазной революции. М., ч. 1—2, 1935—1940. Характеристику его взглядов см.: Е. А. Косминский: Изучение истории средних веков за 25 лет в кн.: 25 лет исторической науки в СССР, 1942, стр. 212—213. См. также: В. М. Лавровский: О работе группы по истории английской революции, «Исторический журнал», 1941, № 9, стр. 169, 171; Некоторые спорные вопросы английской буржуазной революции, «Вестник МГУ», 1955, № 1; Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв., 1958, стр. 49—54.

⁴²⁰ I. Thirsk. The Sales of Royalist Land during the Interregnum. — Ec HR, 2 Series, vol. V, № 2, 1952.

и экономической централизации страны⁴²¹. О программе рыцарства — отмене рыцарского держания — он упоминает лишь мимоходом.

Вопрос об отмене рыцарского держания и о значении этого акта для судеб английского землевладения рассматривается в статье М. А. Барга «Английская революция и судьбы английского землевладения»⁴²². Он отмечает, что в результате отмены рыцарского держания, с одной стороны, феодальная собственность на землю была превращена в свободно отчуждаемую буржуазную собственность, с другой стороны, лордам была предоставлена полная свобода действий по отношению к держателям, все повинности которых были сохранены. Отмена рыцарского держания расчистила путь для капиталистических отношений в английской деревне. Это была неслыханная до тех пор узурпация прав народа со стороны дворянства и народившейся буржуазии. Союз буржуазии и нового дворянства, сложившийся еще до революции, окреп в ходе и после нее. Это обусловило их совместное наступление на крестьянское землевладение. Такое решение аграрного вопроса в ходе революции предопределило исчезновение английского крестьянства в послереволюционный период.

Если аграрный вопрос в английской революции сравнительно подробно изучен советскими историками, то в судьбах английской деревни в послереволюционный период все еще остается много неясного. Имеется лишь несколько статей по истории отдельных маноров в конце XVII в. Среди них большой интерес представляют статьи А. Н. Савина⁴²³. На основании манориальных источников он проследил внутреннюю жизнь трех английских маноров на протяжении нескольких веков, обратив внимание на изменение формы ренты в XVII в., на вытеснение обычной феодальной ренты «улучшенной» рентой, «рентой-мечтой», в несколько раз превышающей первую, причем на крупных участках рента была менее высокой, чем на мелких, и мелкие держатели эксплуатировались сильнее. Интересен вывод А. Н. Савина о составе держателей этих маноров. Значительной площадью

⁴²¹ H. R. Trevor-Roper. The Gentry, 1540—1640. — Ec HR, Supplements, 1, L. s. a.: Oliver Cromwell and his Parliaments. — Essays presented to Sir Lewis Namier, L., 1956; La Révolution anglaise de Cromwell. «Annales», 1955, № 3.

⁴²² Средние века, V, 1955. См. также: Английская буржуазная революция XVII века, под ред. Е. А. Косминского и Я. А. Левицкого, М., 1954, т. I, стр. 395—407; В. М. Лавровский и М. А. Бург. Английская буржуазная революция XVII века. М., 1958, стр. 242—251.

⁴²³ А. Н. Савин. История одного восточного манора; в кн.: Сборник статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917; История двух маноров, «Журнал Министерства Народного просвещения», 1916, апрель.

крестьянских, даже копигольдерских держаний здесь владела представители феодального сословия. «Поэтому, — заключает автор, — для того, чтобы оценить силу аристократов, их удельный вес, необходимо к земельной площади, уцелевшей в руках манориальных лордов, присоединить обширные владения, собравшиеся в руках благородных лиц»⁴²⁴.

Основные проблемы, стоящие перед советскими историками английской деревни XVII—XVIII вв., намечены в работе В. М. Лавровского «Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII—XVIII вв.», где автор решает ряд весьма важных для истории того времени вопросов. Он обращает главное внимание на судьбу крестьян и крестьянской собственности после революции, на общие размеры и процент крестьянского землевладения в XVII—XVIII вв., на имущественную дифференциацию крестьян, на изменение форм земельной ренты. На основании изученных источников В. М. Лавровский устанавливает три типа становления капиталистических отношений в английской деревне в XVII—XVIII вв. Большой интерес представляет полемика автора с современными буржуазными историками, пытающимися ограничить задачи аграрной истории изучением практики и техники сельского хозяйства⁴²⁵. Но автор оставляет вне поля зрения такие важные вопросы, как изменение социального облика владельцев английских маноров в послереволюционный период, изменение удельного веса каждой социальной группировки в английском землевладении, изменение мобильности землевладения и характера отчуждений и т. п., без которых также трудно понять судьбу английской деревни в этот период.

Все эти вопросы не нашли сколько-нибудь полного освещения ни в монографических исследованиях буржуазных и советских историков, ни в отдельных статьях. В 1940 г. появилась статья Х. Хабакука «Английская земельная собственность в 1680—1740 гг.», написанная им на материалах, относящихся к Норсемптонширу и Бедфордширу⁴²⁶. Автор считает что перераспределение земель после революции происходило в пользу крупных землевладельцев. Все более четко определяется различие в положении крупной знати и низших слоев дворянства, стиравшееся в предреволюционные годы, ибо доходы многих процветавших джентри нередко превышали доходы земельной аристократии. Падает активность городских предпринимателей. Купцы-покупатели 2—3 тысяч акров, столь часто встречавшиеся при Елизавете, те-

перь крайне редки: с развитием промышленности и торговли для их капиталов нашлось более выгодное применение.

В характере земельной собственности Х. Хабакук видит причины «устойчивости социальной жизни» в начале XVIII в., ибо земельные передвижения в этот период не приводили к социальным конфликтам. Но хотя крупные собственники имели к 1740 г. больше земель, чем в 1640 г., хотя возросли их доходы с земли, многие из них были в это время обременены долгами. Причина этого — в изменении правительственной политики, переложившей в 1692 г. значительную часть налогов с земли на плечи крупных землевладельцев. Параллельно с этим происходит снижение рент между 1690—1720 гг., ибо крупные землевладельцы были заинтересованы в поступлении регулярных доходов, но не ставили перед собой спекулятивных целей. Поэтому они хотели иметь в качестве своих подданных достаточно состоятельных держателей, регулярно платящих свои ренты. Позиции держателей были упрочены и тем, что в это время было распахано много королевских заповедников. Улучшению положения крестьян способствовал также переход к аренде в широких масштабах. Оказавшись арендаторами чужих земель, а не земельными собственниками, держатели получили возможность переложить на плечи крупных земельных собственников всю тяжесть поземельного налога, а при возобновлении арендных договоров они могли выговорить для себя более выгодные условия. И как бы мимоходом автор указывает, что в этот период ухудшились позиции мелких держателей, резко сократилось число держателей 10—30 акров за счет роста, с одной стороны, коттеров, с другой — держателей 150—200 акров. Итак, наряду с некоторыми несомненно интересными наблюдениями мы видим у Х. Хабакука попытку исказить положение основной массы держателей, представить изменения, трагичные для крестьянства, как благо для него.

Здесь мы не можем осветить все вопросы английского землевладения в послереволюционный период. Его содержание определяется прежде всего характером источника. Предметом нашего исследования является период с 1640 по 1740 гг. Некоторые данные, относящиеся к революционным годам, мы приводим лишь в плане сравнения.

«Манориальные передвижения», опубликованные в много-томной «Викторианской истории Англии», уже были предметом нашего исследования при изучении вопроса о характере английского землевладения накануне буржуазной революции⁴²⁷, где давалась характеристика этого источника. Ценность его в том, что он позволяет проследить, в чьих руках

⁴²⁷ К. Д. Авдеева. Из истории английского землевладения накануне буржуазной революции XVII века, Средние века, XIII, 1958.

⁴²⁴ А. Н. Савин. История двух маноров, стр. 238.

⁴²⁵ В. М. Лавровский. Проблемы., стр. 151—162.

⁴²⁶ H. I. Habakkuk. English Landownership, 1680—1740. — Ec HR, vol. X, № 1, 1940.

находилось большинство английских маноров с момента их возникновения вплоть до XX в. и, что особенно важно, применить статистические приемы исследования, на наш взгляд, наиболее точные для решения многих вопросов, связанных с характером английского землевладения.

Сведения, сообщаемые источником для 1540—1640 гг. и для последующего периода, в основном, те же самые. Но по мере приближения к XVIII в. появляются некоторые подробности, более редкие для XVI в. Чаще сообщается, за какую сумму продавался тот или иной манор. Правда, ссылки на размеры манора и характер земли в нем очень редки и цену земли удастся установить лишь в исключительных случаях. Более определенное суждение можно сделать относительно изменения земельных цен там, где указана покупная цена одного и того же манора в разные периоды. Чаще, чем раньше, указаны размеры арендной платы. Но особую ценность представляют выписки из ренталей, кустумалей, отчетов, соглашения об общинных землях, приоткрывающие завесу внутренней жизни манора. Но данные эти весьма скудны и дают материал лишь для отдельных наблюдений, но отнюдь не для обоснованных выводов. Мы располагаем данными для 14 графств, преимущественно центральной и юго-восточной Англии, и выводы, сделанные на основании этих данных, нельзя распространять на всю Англию. К тому же для шести из 14 графств данные настолько неполны, что могут привлекаться лишь в качестве иллюстративного материала.

* * *

Особенностью решения аграрного вопроса в Англии было решение его в пользу крупных землевладельцев буржуазного типа за счет крестьян. В отличие от французской буржуазной революции английская революция не уничтожила крупного землевладения. На обломках феодального землевладения здесь сложился лендлордизм, и крупные магнаты могли распоряжаться землями по своему усмотрению, сохранив в значительной мере свои прежние владения. Поэтому для выяснения вопроса об изменении характера землевладения в результате английской буржуазной революции немаловажное значение имеет вопрос о том, насколько изменилась мобильность землевладения в послереволюционный период.

Источник позволяет ответить на этот вопрос со значительной долей вероятности путем статистического подсчета. Его результаты мы свели в две таблицы: о мобильности землевладения в 1641—1740 гг. (табл. 1) и о мобильности его в 1661—1740 гг. (табл. 2). Послереволюционный период выделен нами отдельно, чтобы за общими цифрами не сгладились особенности этих двух периодов, ибо естественно, что

в бурные революционные годы мобильность землевладения была значительно выше, чем после революции. Картина получалась следующая: (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Мобильность землевладения в 1641—1740 гг.

	Число маноров						Всего маноров
	подвергавшихся отчуждению					не подвергавшихся отчуждению	
	1 раз	2 раза	3 раза	4 раза	5 раз		
Гемпшир	150	118	47	19	6	293 (46,3%)	633
Ланкашир	148	69	28	14	6	492 (65%)	757
Бедфордшир	128	67	36	6	5	128 (34,6%)	370
Гертфордшир	96	70	34	13	12	116 (34%)	341
Сассекс	94	58	28	13	9	114 (36%)	316
Серри	92	64	39	19	16	138 (37,6%)	368
Уорвикшир	66	30	17	6	1	152 (55,4%)	272
Вустершир	49	45	20	7	9	105 (44,6%)	235
Эссекс	23	12	11	6	5	24 (29,6%)	81
Бекингемшир	19	13	7	3	2	26 (37,1%)	70
Норсемптон	13	12	—	—	2	31 (53,4%)	58
Уильтшир	12	9	6	2	3	16 (33,3%)	48
Кембриджшир	7	11	7	3	—	18 (39,1%)	46
Миддлсекс	3	3	6	—	—	1 (7,7%)	13
Всего	900	581	286	111	76	1654 (44,9%)	3608

Таблица 2

Мобильность землевладения в 1661—1740 гг.

Название графства	Число маноров						Всего маноров
	подвергавшихся отчуждению					не подвергавшихся отчуждению	
	1 раз	2 раза	3 раза	4 раза	5 раз		
Гемпшир	154	65	30	8	3	373 (58,9%)	633
Ланкашир	142	32	9	3	—	571 (75,4%)	757
Бедфордшир	142	41	24	3	2	158 (42,7%)	370
Гертфордшир	115	48	20	3	7	148 (43,4%)	341
Сассекс	111	23	13	7	—	162 (51,3%)	316
Серри	118	53	25	8	7	157 (42,7%)	368
Уорвикшир	74	26	7	—	1	164 (60,3%)	272
Вустершир	56	15	3	2	—	159 (67,6%)	235
Эссекс	25	7	6	3	1	39 (48,1%)	81
Бекингемшир	13	7	1	1	1	47 (67,1%)	70
Норсемптон	12	1	—	—	1	44 (75,9%)	58
Уильтшир	16	9	2	—	1	20 (41,7%)	48
Кембриджшир	8	5	—	1	—	32 (69,6%)	46
Миддлсекс	11	—	—	—	—	2 (15,4%)	13
Всего	997	332	140	39	24	2076 (57,5%)	3608

Из табл. 1 видно, что почти половина всех земель (44,9%) осталась в руках прежних владельцев на протяжении всего столетия, включая революционные годы, а в отдельных графствах процент этот еще выше (Ланкашир — 65%, Уорвикшир — 55,4%). Следует оговориться, что процент отчуждавшихся земель в первой таблице несколько преувеличен, ибо в графу «отчуждавшиеся 2 раза» мы относим все конфискованные земли церкви и делинквентов даже в том случае, если они после реставрации были возвращены прежним владельцам. Число отчуждавшихся маноров подобного рода составляет около 10% от общего числа учтенных нами.

В послереволюционный период стабильность землевладения еще больше возрастает. Это видно из того, что процент неотчуждавшихся маноров в 1661—1740 гг. — 57,5, а в отдельных графствах он возрастает до 70—75. Ни в одном из 8 графств, для которых имеются более или менее полные данные, он не составляет ниже 40, т. е. более двух пятых маноров в этих графствах не меняли своего владельца в течение всего периода. Передача манора из рук в руки 4—5 раз на протяжении столетия встречается довольно редко.

При сравнении мобильности землевладения в послереформационный (после 1540 г.) и послереволюционный (после 1661 г.) периоды обращает внимание резкое сокращение мобильности в последний период. В 1540—1640 гг. подвергалось отчуждению 65,2% светских маноров и 84,7% секуляризованных монастырских маноров, а общий процент неотчуждавшихся маноров был немногим более 20. Резко изменяется соотношение отчуждавшихся и неотчуждавшихся маноров. На общее число 2812 учтенных маноров в 1540—1640 гг. приходится 3782 случая отчуждений, тогда как в 1661—1740 гг. при увеличении учтенных маноров до 3608 число отчуждений сокращается до 2293. Совсем не наблюдается отчуждения маноров по 8—10 раз за столетие, что было нередким явлением в 1540—1640 гг.

В свете вышеприведенных данных нам представляется небезосновательным вывод, что секуляризация монастырских земель после реформации привела к значительно большему перераспределению земельной собственности, чем буржуазная революция. В результате этого перераспределения уже накануне революции значительная часть маноров оказалась в руках собственников нового типа — буржуазии и нового дворянства, гораздо больше заинтересованных в ликвидации остатков ленной системы, чем в ликвидации крупного землевладения, ибо сами они были обладателями больших земельных богатств. Сохранение почти половины земель в руках прежних владельцев является, на наш взгляд, одним из про-

явлений консервативного характера английской буржуазной революции.

* * *

В послереволюционный период значительно изменяются условия отчуждения земель. Об этом наглядно свидетельствуют данные таблицы 3, при составлении которой мы не учитывали 1641—1660 гг., как не характерные для всего периода, поскольку в ходе революции нередко были случаи насильственного «отчуждения» земель.

Таблица 3

Условия отчуждения земель в 1661—1740 гг.

Годы	Продажа	Передача	Передача доверен. лицам	Аренда	Отдача за долги, штрафы	Завещание	Дарение	Конфискация	Залог	Прочие	Всего
1661—1688	443	122	28	70	18	7	11	5	20	58	782
1689—1713	495	124	24	48	21	11	17	—	17	22	779
1714—1740	430	130	18	49	13	16	3	16	37	20	732
Всего отчужд.	1 368	376	70	167	52	34	31	21	74	100	2 293
на дан. услов.											
% к общ. числу отчужд.	59,6	16,4	3,1	7,3	2,3	1,5	1,4	0,9	3,2	4,3	100

Таблица показывает, что совсем сходят на нет такие средневековые формы отчуждения, как дарения, которые составляют всего 1,4% от общего числа отчуждений. Это почти исключительно дарения земель короной приближенным лицам. Они приходятся, в основном, на первые годы реставрации Стюартов и на конец XVII—начало XVIII вв., когда корона раздает значительную часть своих земель, чтобы привлечь на свою сторону новую знать и буржуазию. Так, некто Скэвин, имя которого встречается среди собственников земли лишь с XVIII в., к 1730 г. стал владельцем шести маноров в графстве Серри и получил титул сэра. Источник отмечает, что он был крупным купцом и обязан был всеми своими владениями Вильгельму III⁴²⁸.

Процент дарений может быть несколько увеличен за счет «аренды» коронных земель, ибо корона иногда «дарит аренду». Так, в 1671 г. корона «сдала в аренду» на 1000 лет манор Чопгем (Серри), а в 1715 г. он был продан «аренда-

⁴²⁸ VCH of Surrey, ed. N. E. Malden, vol. IV, L. 1912, p. 183.

торами»⁴²⁹. На таких же условиях был «сдан в аренду» манор Уокинг⁴³⁰. Разумеется, это не что иное, как дарение. Впрочем, встречаются и обратные явления — дарение на весьма короткий срок. Так, в 1676 г. корона подарила сэрам Питеру Уайку и Гильберту Гальботу маноры Честри⁴³¹ и Хардвик⁴³² сроком на 41 год. Дарения короны не всегда были безвозмездными. Так, в 1663 г. сэру Портленду был подарен манор Коульдсон (Серри) на правах свободного сокажа, за что он уплачивал короне ежегодно ренту 45 ф. 12 ш. 3 п.⁴³³.

Основной формой поземельных сделок была купля-продажа земли (59,6% к общему количеству отчуждений). Нам не удалось установить среднюю цену земли, ибо, хотя продажная цена манора указывается довольно часто, но размеры манора и характер земли при этом, как правило, не указываются. Лишь в шести случаях мы находим одновременно те и другие данные. Все эти случаи относятся к началу XVII в. На их основании можно установить, что продажная цена земли в этот период равнялась около 15 ф. за акр⁴³⁴. Но эти факты недостаточны для определенных выводов. Не подлежит сомнению лишь то, что стоимость земли на протяжении изучаемого периода неуклонно возрастала. В восьми случаях встречается упоминание о продажной цене манора в разные годы, и в каждом из них она возрастает в полтора-два раза⁴³⁵, а иногда еще выше. Так, манор Аллрстон (Ланкашир) в 1564 г. был продан за 2700 ф., в 1670 г. — за 4755 ф., а в 1736 г. — за 7700 ф.⁴³⁶. Может быть, это было отчасти результатом падения покупательной способности денег, имевшей место в этот период, но установить соотношение между этими явлениями нам не удалось.

Из всех остальных видов отчуждений сравнительно высокий процент (16,4) составляет «передача» земель на разных условиях. Как и в предшествующий период за этим термином скрывались самые различные сделки, а иногда и самим составителям источника неясно, на каких условиях передавался тот или иной манор.

⁴²⁹ Там же, vol. III, p. 414.

⁴³⁰ Там же, vol. III, p. 383.

⁴³¹ Там же, vol. III, p. 406.

⁴³² Там же, vol. III, p. 410.

⁴³³ Там же, vol. IV, p. 200.

⁴³⁴ Так, манор Бурчез размером в 120 акров пахоты и 30 акров бота был продан в 1724 г. за 2505 ф. (VCH of Essex, vol. IV, L., 1940, p. 132), манор Боббингворт размером в 71 акр пахоты был продан в 1704 г. за 1080 фунтов (Ibid., vol. IV, p. 12).

⁴³⁵ Манор Уэстбери в 1694 г. продан за 4000 ф. а в 1722 г. — за 7400 ф. (VCH of Hampshire, vol. III, p. 69), манор Лангриш в 1717 г. продан за 2850 ф., а в 1740 г. — за 4400 ф. Там же, vol. III, p. 70.

⁴³⁶ VCH of Lancashire, vol. III, p. 130.

Обращает на себя внимание резкое сокращение аренды по сравнению с предшествующим периодом. Если между 1540—1640 гг. насчитывалось 358 случаев аренды, что составляло 12,7% учтенных маноров, то в 1661—1740 гг. их насчитывается всего 167, т. е. всего 4,6% учтенных маноров, так что процент маноров, сдававшихся в аренду, сокращается почти в три раза.

Следует оговориться, что для обоих периодов нам не удалось точно учесть число случаев аренды, и в действительности процент сдававшихся в аренду маноров несколько выше. Так же часто, как в предыдущий период, источник указывает, что манор сдавался в аренду без указания года сдачи, имени арендатора и условий аренды. Так, манор Мачленд (Ланкашир) «время от времени сдавался в аренду»⁴³⁷, манор Уольтон Лег (Серри) время от времени «дарился» в аренду разным лицам⁴³⁸. То же самое читаем мы и о маноре Уаттон (Серри)⁴³⁹. Чаще всего встречаются такие указания на королевских и церковных землях. Лишь в 88 случаях из 167 нам известно имя арендатора и еще реже — сроки аренды и размеры арендной платы. Но поскольку такая неопределенность сведений характерна в одинаковой степени для обоих периодов, то сокращение случаев сдачи целых маноров в аренду после революции можно считать действительным фактом. (Это не исключает возможности расширения внутриманориальной аренды, но о ней у нас нет данных). Очевидно, английские землевладельцы в это время проявили отнюдь не меньший интерес к хозяйственной деятельности, чем до революции. Скорее наоборот, происходит процесс их «соседания» на землю. С другой стороны, разные слои городского общества, часто выступавшие в предшествующий период не только покупателями, но и арендаторами целых маноров, теперь находили более выгодное применение для своих капиталов, поскольку развитие промышленности и торговли делало все новые успехи. Из источника видно, что на королевских и церковных землях аренда была более частым явлением, чем на землях светских лордов. Из общего числа 167 сданных в аренду маноров 69 — более двух пятых — церковные маноры и 48 — королевские. Как уже отмечалось выше, для короны «аренда» была нередко скрытой формой дарения. В этих случаях, как правило, арендная плата приближалась к номинальной в 4—6 пенсов за акр.

Средневековые формы аренды, хотя и медленно, но начинают уступать место капиталистической аренде. Известный

⁴³⁷ VCH of Lancashire, vol. VIII, p. 302.

⁴³⁸ Там же, vol. III, p. 471.

⁴³⁹ VCH of Surrey, vol. II, p. 101.

консерватизм и традиционность сказываются прежде всего на сроках арендных договоров: сравнительно часто еще встречается аренда на срок жизни, на срок трех жизней, на 21, 30, 41 и даже на 99 лет. Но наряду с этим гораздо чаще встречается краткосрочная аренда. Манор Кейненхолд (Уильтшир) в 1661 г. был сдан в аренду Френсису Фейну, перед 1678 г. — Вильяму Броунвику, в 1685 г. — Вильяму Блейдену, в 1693 г. — Ричарду Коукзетайрету⁴⁴⁰. Здесь сроки аренды колеблются от 7 до 17 лет. Манор Броугтон (Уильтшир) в 1726 г. был сдан в аренду Джону Биссею сроком на 7 лет за ренту 230 ф. в год⁴⁴¹.

Размеры арендной платы встречаются сравнительно редко. Там, где эти данные имеются, они резко отличны друг от друга. Иногда встречаются указания на номинальную арендную плату в 4—6 пенсов за акр. Так, сэр Толлемах в 1665 г. снимает в аренду у короны 75 акров в маноре Питерсгем (Сэрри) за 4 пенса с акра⁴⁴². В том же маноре в 1666 г. снимает в аренду 289 акров на 61 год на тех же условиях Роберт Маррей⁴⁴³. Вероятнее всего, в этих случаях в форму арендного договора была облечена какая-то другая сделка. Об этом может свидетельствовать следующий пример: джентльмен Джон Этли в 1685 г. заключил арендный договор с Эсквайром Френсисом Шерингтоном, по которому снял у него в аренду манор Бэнкс (Ланкашир) за ежегодную ренту по 6 пенсов с акра, а в 1728 г. Джон Этли продал этот манор⁴⁴⁴. Очевидно, в 1685 г. был заключен не арендный договор, а торговая сделка. Чаще всего аренда была скрытой формой продажи для короны⁴⁴⁵. Чаще встречаются более значительные размеры арендной платы. Уже упоминалось об арендной плате в 230 ф.; 140 ф. вносили лорду арендаторы манора Пиллинг (Бедфордшир), причем источник отмечает, что аренда продавалась 4 раза⁴⁴⁶. Любопытен один случай: манор Трейсиз (Эссекс) в 1542 г. сдавался в аренду за 15 ф., а в 1732 г. — за 156 ф., т. е. арендная плата возросла более чем в десять раз⁴⁴⁷.

По табл. 3 мы попытались проследить, насколько изменя-

⁴⁴⁰ VCH of Wiltshire, vol. VII, L., 1940, p. 97.

⁴⁴¹ Там же, vol. VII, p. 56.

⁴⁴² VCH of Surrey, vol. III, p. 531.

⁴⁴³ Там же, vol. III, p. 531.

⁴⁴⁴ VCH of Lancashire, vol. II, p. 443.

⁴⁴⁵ Ричард Фени, ольдермен Лондона, получил в аренду от короны сроком на 99 лет манор Сомерфорд (Гемпшир), за что заплатил весьма значительную сумму 5400 ф., а в 1729 г. он продал этот манор. Здесь в форму арендного договора была облечена продажа манора. (VCH of Hampshire, vol. V, p. 95).

⁴⁴⁶ VCH of Bedfordshire, vol. III, p. 332.

⁴⁴⁷ VCH of Essex, vol. IV, p. 216.

лись мобильность землевладения и условия отчуждений в разные годы изучаемого нами периода. С этой целью весь период мы разделили на три части, отделенные друг от друга большими политическими событиями («славная» революция и приход к власти Ганноверской династии). На каждый период приходится более или менее одинаковое число отчуждений каждого вида. Наблюдается некоторый спад мобильности земель с 1714 по 1740 гг., но он настолько незначителен, что можно не принимать его во внимание. Из всех видов отчуждений в последний период резко возрастает лишь число конфискаций. Это объясняется тем, что в 1715—1716 гг. было конфисковано много земель у сторонников якобитского заговора.

В целом табл. 3 показывает, что в послереволюционный период господствуют такие условия отчуждения, которые свидетельствуют о полной победе буржуазной собственности на землю.

* * *

Одним из наиболее важных вопросов при изучении аграрных отношений в послереволюционный период является вопрос об изменении в результате революции социального облика землевладельцев. С. И. Архангельский отмечает, что распродажа земель деликвентов в немалой степени способствовала упрочению позиций буржуазных элементов, преимущественно лондонского купечества и фермеров⁴⁴⁸. Свои выводы он основывает преимущественно на данных одного документа — описей так называемого «комитета по композициям с роялистами».

Выводы С. И. Архангельского были поставлены под сомнение английской исследовательницей Д. Тирск, установившей по архивным материалам, что роялисты нередко перекупали свои владения через подставных лиц и агентов, сами оставаясь в тени. На этом основании она делает вывод, что большинство земель роялистов в результате этих перекупок снова оказалось в их руках⁴⁴⁹.

Наш источник не позволяет сделать определенных выводов ни о социальном облике большинства лиц, покупавших земли, ни о том, выступали ли они самостоятельно или от чьего-то лица. Из 179 человек, выступавших покупателями этих земель, известно социальное положение 66 лиц, из них:

⁴⁴⁸ С. И. Архангельский: Распродажа земель сторонников короля. «Известия АН СССР», 7 серия. Отделение общественных наук, 1933, № 5; Аграрное законодательство великой английской революции, ч. 1—2.

⁴⁴⁹ Thirsk. Ук соч., EcHR, 2 Series, vol. V, N 2, 1952.

эрлов — 3, сэров — 13, джентри — 18, служилых — 4, горожан — 19, бывших держателей и арендаторов — 9. Но весьма характерна другая деталь, сразу бросающаяся в глаза: кем бы ни были покупатели земель роялистов, они, как правило, удерживали эти земли в своих руках на сравнительно короткий срок. В первые же годы после реставрации были возвращены все конфискованные земли церкви, а подавляющее большинство роялистов или их наследники получили обратно свои прежние владения от короны или выкупили их. Из 96 маноров роялистов, конфискованных парламентом, о которых имеется упоминание в документе, 77 маноров к 1663 г. снова оказалась в руках прежних фамилий. Источник иногда даже не указывает о конфискации того или иного манора в период революции, ограничиваясь замечанием, что на все или на большинство маноров лорда такого-то был наложен секвестр. Так, отмечается, что было конфисковано большинство маноров эрла Моулинекса, а в других местах, где речь идет об его манорах, говорится, что они на протяжении всего периода находились в руках этой фамилии или проданы уже после революции⁴⁵⁰. То же самое говорится и о владениях Полета, маркиза Винчестерского⁴⁵¹ и о многих других, получивших маноры обратно после реставрации.

Чтобы не быть голословными, приведем несколько примеров, говорящих о возврате конфискованных земель прежним владельцам. Манор Миддлчиффорд (Вустершир) был конфискован у Вильяма Шелдона в 1649 г., но после реставрации был возвращен его наследнику. В руках этой фамилии манор оставался до 1726 г., когда он был продан с аукциона за долги по специальному акту парламента⁴⁵². Манор Аллертон (Ланкашир) был конфискован парламентом вместе с другими владениями роялиста Джона Летгема и продан в 1654 г. за 2700 ф. Джону Самнеру. Но Джон Самнер получил право собственности на манор только в 1670 г. путем дополнительной сделки с Томасом Летгемом, наследником Джона Летгема. В этом же году манор был продан Ричарду Персивалю, причем более четверти продажной цены получил Томас Летгем, а остальное — Джон Самнер⁴⁵³. Лорд Коттингтон — один из сторонников короля — лишился в период революции всех своих владений, конфискованных парламентом и в 1649 г. подаренных Джону Бредшоу, одному из лиц, подписавших смертный приговор Карлу I, но после реставрации все его маноры были возвращены его племяннику Карлу⁴⁵⁴.

Число подобных примеров можно было бы значительно увеличить, но и приведенных выше достаточно, чтобы показать, что земли, конфискованные у роялистов, часто разными путями возвращались в руки прежних фамилий.

Разумеется, тяжелые штрафы, нередко налагаемые на эти земли, и выкупы, которые должны были вносить за них роялисты, способствовали их разорению, и нередко были случаи, когда они вынуждены были спустя некоторое время закладывать или продавать возвращенные им владения. Так, Томас Андертон, получивший обратно в 1661 г. свой манор Клейтон (Ланкашир), в 1680 г. заложил и в 1683 г. продал его, ибо был обременен долгами⁴⁵⁵. Лорд Коттингтон, получивший после реставрации обратно пять маноров, в 1674 г. был вынужден все их продать⁴⁵⁶. В результате секвестра оказался близок к разорению Томас Феншоу, получивший титул виконта в 1668 г. В 1668 г. он продал свой манор Уэйр (Гертфордшир) за долги⁴⁵⁷. Своему кредитору Джону Комберу продал многие из своих маноров сэр Георг Гантер, оказавшийся в долгах в результате необходимости уплатить выкуп за секвестрованные земли⁴⁵⁸. Наследники Генриха Морлея в 1663 г. были вынуждены продать манор Хорнби, а в 1674 г. манор Веннингтон, ибо фамилия была близка к полному разорению⁴⁵⁹. В 1687 г. заложил, а затем потерял совсем свой манор Айрилет сэр Рожер Кирбки, выступивший на стороне короля во время гражданской войны. Этот манор находился в руках фамилии Кирбки с XII в.⁴⁶⁰

Но, как ни велики были потери роялистов, удар, нанесенный им в годы революции, был в какой-то мере смягчен после реставрации. Если им и приходилось потом продавать свои поместья, они получали за них компенсацию по рыночной цене. Поэтому вывод С. И. Архангельского о потерях сторонников короля в период революции представляется нам несколько преувеличенным.

Что касается перемещения земель между представителями отдельных социальных группировок в послереволюционный период, то результаты его мы свели в две таблицы: социальный состав лиц, отчуждавших маноры в 1661—1740 гг. (табл. 4) и специальный состав лиц, приобретающих маноры в этот период (табл. 5). При выяснении социального облика землевладельцев встречается немало трудностей. Хотя по сравнению с предшествующим периодом зна-

⁴⁵⁰ VCH of Lancashire, vol. VIII, pp. 67, 74, 78, 82, 98, 181.

⁴⁵¹ VCH of Hampshire, vol. IV, pp. 46, 157, 179, 191, 433, 444 etc.

⁴⁵² VCH of Worcestershire, vol. III, p. 269.

⁴⁵³ VCH of Lancashire, vol. III, p. 130.

⁴⁵⁴ VCN of Hampshire, vol. IV, p. 253, VCN of Middlesex, vol. II, p. 316.

⁴⁵⁵ VCH of Lancashire, vol. VI, p. 31.

⁴⁵⁶ VCH of Hampshire, vol. IV, p. 253.

⁴⁵⁷ VCH of Hertfordshire, vol. III, p. 388.

⁴⁵⁸ VCH of Lancashire, vol. III, p. 337.

⁴⁵⁹ Там же, vol. VIII, pp. 196, 208.

⁴⁶⁰ Там же, vol. VIII, p. 396.

Таблица 4

Социальный облик лиц, отчуждавших маноры в 1661—1740 гг.

Годы	Титулов. знать	Сэры	Дворяне	Служилые	Горожане	Юристы	Корона	Церковь	Иомены	Неизвестные	Всего
1661—1688	185	84	41	23	49	14	36	21	2	327	782
1689—1713	186	85	45	28	53	17	38	31	6	290	779
1714—1740	182	79	40	22	38	9	20	23	2	317	732
Всего	553	248	126	73	140	40	94	75	10	934	2 293
Из них „реальных“	484	212	113	63	135	33	39	4	9	862	1 954
В % к общ. числу	24,8	10,9	5,8	3,2	6,9	1,7	2,0	0,2	0,4	44,1	100

Таблица 5

Социальный облик лиц, приобретающих маноры в 1661—1740 гг.

Годы	Титулов. знать	Сэры	Дворяне	Служилые	Горожане	Юристы	Корона	Церковь	Иомены	Неизвестные	Всего
1661—1688	173	72	51	29	60	17	5	2	8	217	634
1689—1713	185	75	60	32	61	20	—	3	4	232	672
1714—1740	186	61	46	21	55	16	16	—	—	223	624
Всего	544	208	157	82	176	53	21	5	12	672	1 930
В % к общ. числу	28,3	10,8	8,1	4,4	9,1	2,7	1,0	0,2	0,6	35,0	100

чительно падает процент лиц, социальную принадлежность которых нам не удалось установить, но он все же довольно высок. Землевладельцев не всегда легко распределить по определенному принципу. Здесь прежде всего сказывается характерная для Англии слабость социальных перегородок. Как быть, например, с лицами, получившими новый титул в 1673 или в 1705 гг.? Как правило, с получением нового титула характер деятельности и образ жизни этих лиц не меняется. С другой стороны, источник не всегда указывает время присвоения титула тому или иному лицу. К тому же одно и то же лицо может именоваться в разных местах по-разному: в одном случае эрлом, в другом — эрлом и одновременно королевским служащим, в третьем — просто сэром. Не всегда удается установить, выступают ли в отдельных слу-

чаях представители одной и той же фамилии, или однофамильцы.

При подсчетах мы исходили лишь из тех данных, достоверность которых нам представлялась бесспорной. Все сомнительные случаи мы относили в графу «неизвестные». Но и при этом произведенное нами деление не лишено элементов случайности. При учете социального облика лиц, отчуждавших и приобретающих маноры, мы отнесли к титулованной знати всех лиц от эрлов до баронетов. Отдельно нами выделена группа сэров, если кроме этого мы не имели дополнительных пояснений, ибо среди них могли быть и эрлы и другие представители титулованной знати, и рыцари. К служилой знати мы отнесли всех лиц, служивших при королевском дворе и членов королевской администрации, независимо от их происхождения и титула, ибо их положение в обществе определялось прежде всего их службой. Данные этой графы несколько ниже действительных, ибо далеко не всегда источник указывает на служебное положение того или иного служилого лица. Иногда в одном случае указывается, что сэр такой-то занимает такое-то положение при королевском дворе, а в другом месте при упоминании того же имени о его служебном положении ничего не говорится. Горожан, получивших дворянский титул, мы относили в графу «дворяне», даже если они не порвали со своей предпринимательской деятельностью. И здесь могли быть допущены неточности, ибо источник не всегда указывает на получение дворянского звания тем или иным горожанином. Если то или иное лицо получало титул в начале изучаемого периода, мы считали его по новому титулу, если в конце, то мы условно продолжали считать его горожанином вплоть до 1740 г.

В дополнительных пояснениях нуждается табл. 4. Понятие «отчуждение» применяется в ней в условном смысле и охватывает все виды от аренды до залога. Естественно, что отнюдь не всегда такие «отчуждения» приводили к полной потере владельческих прав лица, отчуждавшего манор. В результате залога, например, прежний владелец иногда получал манор обратно, а иногда совсем терял его. Так, Вильям Миддльмор в 1701 г. заложил манор, а в 1712 г. продал его⁴⁶¹. В этом случае «реальным» отчуждением является продажа манора. То же самое важно сказать о залоге лорда Кларендона: в 1700 г. он заложил два манора, а в 1707 г. продал их⁴⁶². Иногда заложенный манор возвращался обратно в руки прежнего владельца спустя некоторое, иногда очень длительное, время. В другом случае братья Томпсоны зало-

⁴⁶¹ VCH of Worcestershire, vol. III, p. 183.

⁴⁶² VCH of Hampshire, vol. II, pp. 93, 135.

жили в 1700 г. манор Роусбери Жозефу Ломаксу и, так как не в состоянии были выкупить его, манор перешел в собственность Жозефа без дополнительных сделок⁴⁶³. Такой «залог» мы считаем «реальным» отчуждением. Относительно же манора (Эссекс) сами составители источника затрудняются вполне определенно сказать, заложен ли он был или продан в 1700 г. сэром Самуилом Капель, ибо после этого он не возвращался больше в руки прежних собственников⁴⁶⁴.

Иногда без дополнительных сделок становился собственником манора и арендатор, распоряжавшийся манором по своему усмотрению, так что прежний владелец фактически терял на него свои права, и для него такая сдача в аренду являлась «реальным» отчуждением. Так, Ричард Фенн в 1630 г. получил в аренду от короны манор Сомерфорд на 99 лет, а в 1729 г. его наследники отчуждают манор без всяких дополнительных сделок с короной⁴⁶⁵. Питер Кардонелл в 1641 г. получил в аренду на 99 лет манор Кодленд, а в середине XVIII в. манор все еще был в руках этой фамилии без дополнительных сделок⁴⁶⁶.

Отчуждением могла быть и передача манора доверенным лицам. Часто доверитель передавал манор доверенному лицу для управления им на время несовершеннолетия наследника, во время отсутствия владельца и т. п. Во всех этих случаях манор оставался в руках данной фамилии, и такая передача не являлась «реальным» отчуждением. Но наряду с этим встречаются случаи, когда доверенное лицо получало от владельца манора полномочия продать манор для погашения фамильных долгов⁴⁶⁷, или после разорения и объявления банкротства правительственная комиссия передавала манор доверенным лицам для продажи⁴⁶⁸, или владелец манора давал право доверенному лицу пользоваться доходами с манора, но в счет этого доверенное лицо должно было внести какие-то определенные взносы по указанию владельца.

Учитывая вышеприведенные оговорки, мы выделили в табл. 4, кроме общего итога отчуждений, графу «реальные отчуждения», в результате которых прежний владелец порывал всякую связь с манором. Этот итог получился не в результате механического отбрасывания залога, аренды и т. п., а в каждом отдельном случае путем самостоятельных подсчетов. Проценты вычислены к общему числу «реальных»

отчуждений. Из соотношения общего числа отчуждений и «реальных отчуждений» мы можем судить, насколько значительное место принадлежало последним в поземельных сделках каждой социальной прослойки. В табл. 5 нами также учтены лишь те преобразования, в результате которых новые владельцы получили полные права на манор.

Данные обеих таблиц показывают, прежде всего, относительно стабильность в соотношении отдельных групп землевладельцев. Процент приобретений почти для всех социальных групп несколько превышает сокращение общего числа приобретений лиц неизвестного социального положения. Учитывая, что среди них значительное место занимают представители низших социальных категорий, можно сказать, что среди лиц, отчуждавших маноры, представители низших категорий занимают значительно большее место, чем среди лиц, приобретающих их (44,1% отчуждений и всего 30,5% приобретений). Но для определения удельного веса представителей каждой социальной категории более красноречиво процентное отношение отчуждений и приобретений этих категорий к общему числу отчуждений и приобретений.

Значительная часть торговых сделок приходится на представителей высшей титулованной знати, еще больше упрочившей свое положение в результате земельных перемещений (число ее приобретений на 3,5% превышает число отчуждений). Особенно резкий контраст представляют эти данные по сравнению с подобными данными предшествующего периода. Между 1540—1640 гг. титулованная знать выступала на земельном рынке преимущественно в качестве продавца своих земель, большая же часть ее приобретений состояла из дарений короны. С другой стороны, сокращается общее число дворян среди лиц, отчуждавших и приобретающих маноры. Это можно отнести отчасти за счет выделения в отдельную графу сэров, но падение активности низшего дворянства на земельном рынке действительно имело место. Вторая половина XVII—начало XVIII вв. в Англии — период формирования и упрочения крупной землевладельческой знати, постепенно вытеснявшей среднюю прослойку дворян. Земля концентрируется в руках все меньшего числа земельных собственников. Отдельные аристократические фамилии сосредоточили в своих руках до 30 и более маноров. Частью это представители старой знати, частью новые, обогатившиеся в конце XVII—XVIII вв. Правда, и среди низшего дворянства иногда встречаются владельцы 10 и более маноров, как, например, рыцари Хетгоуты в Гемпшире и Эннинги в Гертфордшире. Необходимо также учесть, что число маноров, находившихся в руках той или иной фамилии, не всегда определяло ее экономическое положение. Во-первых, раз-

⁴⁶³ VCH of Bedfordshire, vol. III, p. 332.

⁴⁶⁴ VCH of Essex, vol. IV, p. 190.

⁴⁶⁵ VCH of Hampshire, vol. V, p. 95.

⁴⁶⁶ Там же, vol. III, p. 239.

⁴⁶⁷ Там же, vol. III, p. 234; VCH of Hertfordshire, vol. III, p. 488; VCH of Surrey, vol. III, p. 372.

⁴⁶⁸ VCH of Surrey, vol. IV, p. 122.

меры маноров, а соответственно и доходность их, могли быть резко различны. Об этом говорит хотя бы продажная цена маноров, колебавшаяся от 500—600 ф. до 20000 ф. и выше. Во-вторых, в экономической жизни дворянства, особенно низшего, немалую роль продолжали играть занятия, мало связанные с сельским хозяйством, и доходами с земли не исчерпывалась доходность их хозяйства.

Таблицы показывают, что по сравнению с предшествующим периодом сокращается активность горожан на земельном рынке. Если в 1540—1640 гг. они выступали приобретателями маноров в 236 случаях, а отчуждали в 118, то в 1661—1740 гг. на их долю приходится 176 приобретений и 135 отчуждений. Эти же данные показывают изменение в соотношении приобретений и отчуждений среди горожан: горожане стали меньше приобретать и больше отчуждать земли. Если в предшествующий период их приобретения составляли 14% от общего числа и сравнительно немного уступали приобретениям титулованной знати, то теперь они составляют всего 9,1% от общего числа. Но земля, по-видимому, все еще остается притягательной силой и надежной сферой помещения капиталов для горожан, хотя с ростом промышленности приток купеческого капитала в земледелие не мог в целом не сократиться. Так, Эдуард Гиббон, дед известного историка, будучи директором одной из торговых компаний, скопил капитал в 60000 ф., но в 1716 г. почти окончательно разорился после банкротства компании. Однако, отмечает источник, он достиг почти прежнего преуспевания, скупив огромные земельные владения в Бекингемшире и Гемпшире⁴⁶⁹. В источнике мы находим данные о покупке им 6 маноров между 1720—1730 гг., причем лишь два из них в Гемпшире и ни одного в Бекингемшире⁴⁷⁰. Очевидно, в общем их было куплено значительно больше. 6 маноров купил между 1695—1713 гг. купец Жильберт Сёрл⁴⁷¹, столько же — купец Вильям Скэвин, о котором говорится, что он был обязан своими богатствами милостям Вильгельма III⁴⁷². Роберт Хейсгем из Лондона купил в 1703 г. сразу 4 манора в Гертфордшире⁴⁷³, Роберт Дрейк — в 1705 г. купил 4 манора в Кембриджшире⁴⁷⁴ и т. д.

Повышается активность горожан провинциальных городов. Правда, лондонцам принадлежит еще ведущее место

⁴⁶⁹ VCH of Hampshire, vol. III, p. 87.

⁴⁷⁰ VCH of Sussex, vol. VII, p. 64; VCH of Hampshire, vol. III, 87, 88, 116; VCH of Surrey, vol. IV, p. 276.

⁴⁷¹ VCH of Hampshire, vol.

⁴⁷² VCH of Hampshire, vol. IV, p. 184.

⁴⁷³ VCH of Hertfordshire, vol. II, p. 407; vol. III, p. 173, 175.

⁴⁷⁴ VCH of Cambridgeshire, vol. IV, pp. 106, 137.

среди покупателей земли, но все чаще мы встречаем среди них жителей Манчестера, Ливерпуля и других городов. Особую ценность начинают приобретать земли вблизи от промышленных центров. Так, Роберт Дальтон продал все свои владения в округе Лиленд, чтобы купить манор Тарнгам и другие земли около Ланкастера⁴⁷⁵. В качестве покупателей земель выступают представители самых разных профессий. Купцы занимают среди них самое видное место, но наряду с ними встречаются сапожники, аптекари, золотых дел мастера, торговцы готовым платьем, галантерейщики, винокуры, пивовары, бакалейщики и многие другие.

В целом данные таблицы показывают, что процент горожан среди других категорий землевладельцев был сравнительно мал, и активность их на земельном рынке постепенно падает.

Обращает на себя внимание ничтожно малыми цифрами предпоследняя графа таблицы — отчуждения и приобретения йоменов. Они в среднем в два раза ниже аналогичных показаний за предшествующий период. Эти данные весьма красноречивы. Они являются одним из ясных доказательств антикрестьянского решения аграрного вопроса в ходе английской революции. После революции активность крестьянской верхушки на земельном рынке не только не растет, но резко падает. Исключительными являются случаи, когда йомены владели больше, чем одним манором. Так, фамилия Стейнов из Шелли, эссекских йоменов, была на протяжении всего изучаемого периода владельцем двух маноров⁴⁷⁶, а в 1688 г. они купили еще манор Пасфилд, расположенный поблизости⁴⁷⁷. Предприимчивые представители крестьянской верхушки иногда скапливали средства для покупки земли, занимаясь побочными промыслами. Некто Оррел из Парра, йомен и дубильщик, около 1690 г. купил манор Блэкбрук (Ланкашир)⁴⁷⁸. Неизвестно, какими путями скопил значительную для того времени сумму в 7400 ф. держатель Филипп Кавендиш, купивший в 1722 г. манор у своего господина и заплативший за него почти вдвое дороже, чем заплатил господин около 30 лет назад⁴⁷⁹. Резкое падение активности крестьян на земельном рынке в этот период объясняется прежде всего резким повышением цен на землю, которая и до того была мало доступна для основной массы крестьян.

Каковы же были итоги перераспределения земель к 1740 г.? Как изменилось за столетие соотношение предста-

⁴⁷⁵ VCH of Lancashire, vol. VI, p. 100.

⁴⁷⁶ VCH of Essex, vol. IV, pp. 179, 181.

⁴⁷⁷ VCH of Essex, vol. IV, p. 381.

⁴⁷⁸ VCH of Lancashire, vol. II, p. 381.

⁴⁷⁹ VCH of Hampshire, vol. III, p. 69.

вителей различных социальных категорий среди землевладельцев? Об этом свидетельствуют данные табл. 6, отражающей социальный облик землевладельцев к началу революции и сто лет спустя.

Таблица 6

Социальный облик землевладельцев на 1640 и 1740 гг.

	Число маноров, составлявших собственность										Разделено	Всего
	титулов. знати	сэров	дворян	служилых	горожан	юристов	короны	церкви	йоменов	неизвестных		
Всего	1 153	458	251	88	200	75	126	219	13	1 007	18	3 608
к 1641 г. в % к общ. числу	31,9	12,7	7,0	2,4	5,5	2,1	3,5	6,1	0,4	27,9	0,5	100
Всего	1 356	451	265	118	203	86	96	222	16	732	63	3 608
к 1740 г. в % к общ. числу	37,6	12,5	7,3	3,3	5,7	2,4	2,6	6,1	0,5	20,3	1,7	100

Таблица показывает, прежде всего, что удельный вес крупных земельных собственников — представителей титулованного дворянства — за столетие после революции значительно вырос по сравнению с другими категориями землевладельцев. Если к 1640 г. в их руках находилось 31,9% всех маноров, то теперь они сосредоточили 37,6%, а вместе с сэрами ровно половину всех маноров. Резкое увеличение крупного землевладения шло, в основном, за счет сокращения собственников неизвестного социального положения. Удельный вес низшего дворянства значительно ниже, но в его руках находится все-таки большее число маноров, чем в руках представителей любой другой категории, причем землевладение как низшего дворянства, так и сэров в процентном отношении сохранилось почти без изменений. Сравнительно устойчивым в процентном отношении оказалось также и землевладение горожан. Самый ничтожный процент приходится на крестьянское землевладение — лишь 0,5% целых маноров к 1740 г. принадлежали йоменам.

Но устойчивость или даже рост в процентном отношении крупного землевладения совсем еще не означает, что земли были сосредоточены исключительно в руках прежних аристократических фамилий. Многие представители старой титулованной знати, выступавшие в период революции на стороне

королевской власти, были почти окончательно разорены в результате секвестра и конфискации их имений. К концу изучаемого нами периода среди землевладельцев совершенно не встречается имя эрлов Эрундел, имевших очень много земель в предшествующий период. В середине XVII в. были разделены многие владения лорда Вильяма Сэндиса в Гемпшире⁴⁸⁰. Но многие представители старой титулованной знати, несмотря на известные потери, сохраняли прежнее могущество и значение. К старой титулованной знати относятся такие представители, как Полет, маркиз Винчестерский, владевший в 1740 г. 27-ю манорами, преимущественно в Гемпшире, герцог Монтегю, владевший 36 манорами, расположенными в 7 графствах из 14, охваченных нашим источником, причем 27-ю герцоги владели на протяжении всего изучаемого нами периода, а 9 были приобретены ими в разное время. Между 1721—1724 гг. герцог продал 11 из своих прежних маноров, так что до 1721 г. в руках фамилии находилось еще больше владений. Эрл Моулинекс, представитель старинной фамилии, восходившей к XII в., владел 26 манорами, Стэнли, эрл Дерби, после того, как в 1717 г. продал 10 маноров в Ланкашире, остался владельцем 26 маноров, эрл Сольсбери был владельцем 24 маноров. Перечень старинных фамилий можно было бы значительно увеличить. Но наряду с этими фамилиями среди титулованной знати фигурирует много новых. Особенно много дворянских титулов было роздано королем сразу после реставрации. В источнике часто указывается на то, что тот или иной рыцарь получил титул баронета в 1660, 1663, 1665 гг. Среди новой знати особенно выделяются такие фамилии, как лорды Фоули. Ричард Фоули начал свою карьеру незадолго до начала буржуазной революции в качестве процветающего кузнеца, а его внук Томас Фоули в начале XVIII в. уже именовался лордом⁴⁸¹. Они скупили или получили разными путями 17 маноров в Уилтшире, преимущественно между 1661—1671 гг.⁴⁸². Представитель рыцарской фамилии Вильям Хеткоут получил титул баронета в 1733 г. Его владения значительно увеличились в начале XVIII в., когда он скупил 9 маноров⁴⁸³. Баронеты Онслоу, получившие свой титул в 1716 г., к началу изучаемого нами периода владели всего 9 манорами, а к 1740 г. в их руках находилось уже 24 манора. Основные приобре-

⁴⁸⁰ VCH of Hampshire, vol. IV, pp. 354, 361.

⁴⁸¹ VCH of Wiltshire, vol. III, p. 571.

⁴⁸² Там же, vol. II, p. 356; vol. III, pp. 25, 62, 173, 212, 216, 219, 269, 395, 439—441, 459.

⁴⁸³ VCH of Hampshire, vol. III, pp. 407, 420; vol. IV, pp. 413, 441, 447, 474, 492, 508.

тения этой фамилии приходится на начало XVIII в. и расположены в Сэрри.

Но во многих случаях землевладение дворянства оказалось абсолютно устойчивым. Баронеты Уорсли на протяжении всего периода приобрели два манора и два перепродали, оказавшись в 1740 г. владельцами 28 маноров, сэры Литтлтоны, сравнительно активно выступавшие на земельном рынке в предшествующий период, между 1661—1740 гг. сохранили все свои 11 маноров, ничего не продавая и не покупая; сэры Оглендеры, получившие титул баронетов в 1663 г., сохранили свои 13 маноров, также ничего не покупая и не продавая.

В начале статьи мы уже указывали, что неотчуждавшиеся на протяжении 1661—1740 гг. маноры составляли 57,5% от общего числа учтенных. Между представителями отдельных социальных категорий они распределялись следующим образом:

у титулованной знати — 765	у юристов	— 58
у сэров — 290	у йоменов	— 11
у дворянства — 189	у короны	— 42
у служилых — 86	у церкви	— 219
у горожан — 68	у неизвестных	— 348

Итак, более трети всех неотчуждавшихся маноров было в руках титулованной знати, а с учетом сэров и низшего дворянства число маноров в руках дворян возрастает до двух пятых. Таким образом, можно заключить, что английская аристократия понесла в ходе революции не столь уж значительные потери. Основные издержки революции пали на плечи трудящихся. Во время революции были заложены основы системы лендлордизма, что предопределило дальнейший путь развития капитализма в английской деревне, оказавшийся столь трагичным для основной массы английских крестьян. Но зарождение лендлордизма отнюдь не означало, что в Англии сохранилась феодальная собственность на землю, ибо основной вопрос заключался не в том, кто владел землей, а в том, на **каких условиях**. Новая аристократия была кровно заинтересована в капиталистическом развитии страны, ибо она сама активно перестраивала свое хозяйство на капиталистический лад.

Самый важный итог революции для английской деревни заключается в том, что она открыла более широкий доступ в деревню капиталу. Именно в результате революции здесь были созданы благоприятные условия для перехода к капиталистической аренде. Крупные землевладельцы, проведя одностороннюю отмену феодальных повинностей — отмену

рыцарского держания — тем самым в «законодательном порядке» присвоили себе «современное право частной собственности на поместья, на которые они имели лишь феодальное право»⁴⁸⁴. Это было настоящей узурпацией по отношению к крестьянам, которые имели на занимаемые участки «такое же феодальное право собственности, как и сами феодалы»⁴⁸⁵. Эта узурпация облегчила лордам наступление на крестьян, в частности, помогла им окончательно прибрать к рукам общинные земли. Несмотря на значительные успехи огораживаний в XVI — начале XVII вв., к началу революции феодально зависимое крестьянство в Англии составляло еще большинство землевладельцев. Теперь же оно начинает быстро исчезать.

Каково же было положение крестьян после революции?

Юридическое положение копигольдеров было закреплено в правление Карла II. Билль 12 Карла II, подтвердивший отмену рыцарского держания, в специальном пункте подчеркивает, что «...этот акт и содержащееся в нем не отменит и не будет истолковано как отменяющее... и не видоизменит какое-либо держание по копии манориального протокола или повинности, вытекающие из него»⁴⁸⁶.

Данные нашего источника по вопросу о положении крестьян настолько отрывочны, что не дают оснований для выводов и полных ответов на вопрос о размерах крестьянского землевладения в маноре, о дифференциации крестьян, о смене феодальной ренты капиталистической и т. п. О внутренней жизни манора мы можем лишь догадываться по отрывочным данным из описей, кустумалей, ренталей и т. п. Но и из этих данных видно, что крестьяне по-прежнему были обязаны уплачивать феодальную ренту и нести феодальные повинности за свои удержания. Хотя Кинг в своем описании английского общества в 1693 г. уже не употребляет термин «копигольдер»⁴⁸⁷, описи и другие документы показывают, что во многих манорах копигольдеры еще преобладали. Так, в маноре Упперхолл (Эссекс) в 1708 г. было 17 копигольдеров и 11 фригольдеров⁴⁸⁸. В королевском маноре Клифф (Норсемптоншир) накануне революции все держатели, кроме одного, были держателями копигольда⁴⁸⁹. В маноре Фурнес (Ланкашир) с фригольдеров поступало 73 ф., а с копигольдеров и с держателей-обычников — 275 ф. 2 ш.

⁴⁸⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 734.

⁴⁸⁵ Там же, стр. 730.

⁴⁸⁶ Statutes of the Realm, vol. V, p. 260.

⁴⁸⁷ G. King. Political Observations, L., 1693, p. 4.

⁴⁸⁸ VCH of Essex, vol. IV, p. 133.

⁴⁸⁹ VCH of Northamptonshire, vol. II, p. 581.

8½ п., т. е. почти в 4 раза больше⁴⁹⁰. До сих пор на копиголь-дере лежал ряд повинностей, типичных для крепостных крестьян. В маноре Йеленд копигольдеры могли продавать свою землю лишь с согласия лорда, который сохранял также право допуска наследника к держанию после смерти держателя, причем вдова умершего копигольдера обязана была отдавать господину лучшую голову скота.

В 50-е гг. XVII в. лорд попытался увеличить допускную плату до размеров 12-кратной годовой ренты. Положение копигольдеров здесь станет еще яснее, если прибавить ко всему, что господский парк был полон дичи, опустошавшей крестьянские поля⁴⁹¹. Красноречиво замечание описи манора Фурнес (Ланкашир): помимо прочих платежей копигольдеры должны были вносить плату за право косить сено на одном из лугов. Хотя право это давно исчезло, но взнос все еще продолжал взиматься⁴⁹². Все копигольдеры манора Хитчин были держателями на 40 лет, после чего за новый допуск за право пользоваться общинными угодьями копигольдеры к держанию обязаны были уплачивать годовую ренту. Только за право пользования общинными угодьями копигольдеры заплатили лорду в 1669 г. 266 ф. 16 ш. Ежегодно лорд этого манора собирал по 6 ф. судебных штрафов⁴⁹³. Судебные штрафы за всякого рода провинности по-прежнему составляли значительную статью дохода для лорда манора. В 1678 г. 22 держателя манора Оутес (Эссекс) были оштрафованы по 2 п. каждый за то, что не явились в курию лорда⁴⁹⁴. Дополнительной статьей дохода для лорда было освобождение копигольдеров. В 1731 г. Эдуард Варрен, чтобы выйти из финансовых затруднений, освободил некоторых из своих копигольдеров, за что получил значительную сумму⁴⁹⁵. В таких условиях не случайны замечания источника, подобные тому, какое мы встречали в описи манора Мейз (Сэрри), где говорится, что многие держатели настолько бедны, что не в состоянии уплачивать свою ренту⁴⁹⁶. Когда был подвергнут секвестру манор Безинг, принадлежавший маркизу винчестерскому, оказалось, что многие держатели имеют большую задолженность по рентам и настолько бедны, что с них нечего взять⁴⁹⁷.

Хотя огораживания к середине XVII в. сделали весьма

значительные успехи, маноральная система с общинным землевладением и другими характерными атрибутами еще продолжала существовать. В источнике встречаются иногда указания на регулирование права пользования общинными угодьями на основе соглашения или обычая. В 1669 г. лорд Доддингтон подписал соглашение с 42 своими держателями о порядке пользования общинными угодьями. Каждый держатель мог посылать на общинный выгон 6 коров или волов, или 3 лошади, или 30 овец. Бедняки могли посылать одну лошадь или две коровы. 432 акра признавались огороженными, и если крестьяне выгоняли туда свой скот, то они подвергались штрафу⁴⁹⁸. По соглашению, заключенному в 1669 г. сэром Эльгерноном Пейтоном со своими держателями, было подтверждено огораживание 1567 акров, но 4400 акров еще оставались открытыми для скота общинников, каждый из которых мог послать туда двух лошадей, четырех коров или 16 овец⁴⁹⁹. В 1667 г. соглашением было подтверждено право пользования общинными угодьями за обычиками манора Линдхурст⁵⁰⁰.

Таким образом, мы наблюдаем в послереволюционный период в Англии переплетение капиталистического развития с самыми типичными проявлениями феодальной эксплуатации крестьян. Успехи фермерского хозяйства уживались еще с весьма значительными остатками средневековой общинной системы. Окончательный удар общине, а вместе с ней и крестьянству в Англии был нанесен парламентскими огораживаниями конца XVIII — начала XIX вв. Но судьба английского крестьянства была решена уже в ходе буржуазной революции середины XVII в., когда у него были отняты все гарантии существования, обеспеченные в какой-то мере феодальными учреждениями.

⁴⁹⁰ VCH of Lancashire, vol. VIII, p. 299.

⁴⁹¹ Там же vol. VIII, p. 179

⁴⁹² Там же, p. 299.

⁴⁹³ VCH of Lancashire, vol. III, p. 9.

⁴⁹⁴ VCH of Essex, vol. IV, p. 91.

⁴⁹⁵ VCH of Lancashire, vol. VIII, p. 167.

⁴⁹⁶ VCH of Surrey, vol. IV, p. 143.

⁴⁹⁷ VCH of Hampshire, vol. IV, p. 116.

⁴⁹⁸ VCH of Cambridgeshire, vol. IV, p. 113.

⁴⁹⁹ Там же, p. 119.

⁵⁰⁰ VCH of Hampshire, vol. IV, p. 632.